

Назад и в будущее

Американская дипломатия подводит Кремль к неожиданной мысли, что кроме Украины есть еще Россия. Есть Сибирь и Арктика

Фото: Марина Лысцева / ТАСС

11:29, 14 августа 2025,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На Аляске будут говорить, прежде всего, об Украине, но — спасибо Америке — уже один лишь выбор именно этого места переговоров намекает на возможность выхода из той парадигмы, где Кремль существует, не говорю — блуждает — второе (а то и третье) десятилетие. Если глядеть изнутри России, из Сибири, нельзя не спрашивать: почему такое цепкое, неотрывное внимание Украине, а не, скажем, Якутии или Приморью, Уралу или Алтаю? Сибири в целом? Вообще российским землям? Нет, почему сейчас все зациклено на Украине — понятно, для России сейчас нет ничего важнее, но почему и зачем Кремль когда-то, задолго до 24 февраля 2022 года, на ней зациклился?

И с прошлого года, с избрания Трампа, российско-американские контакты изнутри России виделись именно так:

американская дипломатия подводит
отечественную власть к незатейливой вроде,
но важной мысли: кроме Украины есть еще
Россия, Сибирь, Арктика.

Не один Кремль, впрочем, застрял в Украине. Думаю, если бы пресса, лидеры общественного мнения с нулевых и вплоть до 2022 года не залипали точно так же лишь на ней, а больше обращались к безобразиям в своей стране вдали от Москвы — может, это и не позволило бы Кремлю так сфокусироваться и затем прикладывать практические усилия именно к этой точке на карте. А не к тысячам других. Украина — другая страна: зачем, почему, отчего так приковало к ней Москву, загрузило, заклинило и подвесило — всю, не только власть? Этого недоумения — главного, наверное, чувства в той же Сибири прошлых лет — сейчас, конечно, нет; после 24 февраля 2022 года

все поменялось, играют другие факторы. Но если вернуться в 24 февраля — как все-таки это стало возможно?

Там притесняли русских? А в нашей провинции их притесняют и убивают меньше? Уже приводил эти расчеты, но почему не повторить, если не доходит. Пример: в одном Красноярском крае из-за загрязнения воздуха людей ежегодно гибнет столько же, сколько за восемь лет, предшествовавших 24 февраля 2022 года, погибло гражданских лиц из-за обстрелов в Донбассе: сравните [данные](#) от СК о жертвах Донбасса и [данные](#) от профильных институтов РАН, Минздрава России и Роспотребнадзора о жертвах мирного Красноярска. Один к восьми. В Красноярском крае бизнес делает деньги на жизнях и здоровье гражданских лиц — и цифры говорят о том, что власти, выполняя она свои функциональные обязанности, защищать русских следовало бы прежде здесь, чем где бы то ни было еще.

А потом в Челябинской области. А потом в Кемеровской. В Иркутской. И т.д. Так, глядишь, в заботах о собственной стране и родном народе и погрязли бы. Ресурс заботы Кремля ограничен. Может, и прожили бы какое-то время без потрясений.

И вот Америка вновь напоминает Кремлю, что есть не только глобальная, все застывшая Украина. Где-то затерялись еще Сибирь и Арктика.

Аляска — безусловно, выбор не случайный. И отменный. Не нейтральная территория, не третьи страны, а вот она, бывшая российская земля. Как бы американская Сибирь, хотя не одна Аляска, все Соединенные Штаты с Сибирью (которая так-то — три четверти России и полторы США) очень похожи — о том кто только не писал, начиная с позапрошлого века что в Америке, что в России. О различиях тоже писали, но сейчас время говорить о сходстве.

Фото: Борис Регистр / Коммерсантъ

В 1858 году Герцен [опубликовал](#) статью «Америка и Сибирь». Там, понятно, главным образом не столько об Америке и Сибири, сколько о главном предмете изучения Герцена — о самодержавии. А также о Крымской войне. О том, что «судорожное самовластие дошло уже до того предела кручения, после которого винт снова слабеет; что в этом затягивании поводий не было исторической необходимости, а одно чувство самосохранения», о том, что «Николай, сделав всех солдатами и писарями, не имел ни армии, ни канцелярского порядка. Он растлил гражданскую службу, превращая ее в шпионство или подчиняя ее ему, и убил армию». Цитировать выводы Герцена о возможности отделения Сибири от «петербургской опеки» не буду — не только потому, что власть и активисты могут углядеть тут сепаратизм и уголовную статью, а потому, что это — нелепость и незнание Герценом Сибири. Но есть там точные наблюдения и слова, актуальные донныне.

Нас — и Сибирь, и Америку — «нашли» (открыли, освоили, покорили) по пути в Китай, Индию, Беловодье. Искали другое, нашли нас. Два из главных городов Сибири и Америки — Красноярск и Нью-Йорк — основаны одновременно. Они похожи обстоятельствами рождения, отвагой первых поселенцев — только у одних родина была за океаном, у других — за Камнем, за Уралом, за тысячами верст суши (что в те времена было пострашней моря). Похожи проблемами с туземным населением. Сражениями и грандиозными пожарами, уничтожавшими большую часть городов. Новыми линейными планировками улиц. Многими десятилетиями тихой провинциальной жизни и взрывными взлетами. В общем, стартовыми условиями; изначально Сибирь обещала русским тот же Новый свет, что западным европейцам Америка. Декабрист Иван Пущин, друг Пушкина: «Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты».

Не только он,

многие декабристы, попав в Сибирь, отводили ей главную роль в реформировании российской государственности и сближении с Америкой.

А к тому времени, когда Герцен садится за статью, русские и американцы, все минувшее время двигавшиеся навстречу друг другу, уже вышли к Тихому океану и закрепились на его берегах, в Приморье и Калифорнии.

И вот:

«Мы не избалованы сочувствием других народов, не избалованы также и их пониманием. Причин на это было много, и на главном плане вся петербургская политика с 1825 года. Но Россия из этого периода выходит, отчего же одна Америка догадывается об этом и первая приветствует?

Оттого, что Россия с Америкой встречаются по ту сторону. Оттого, что между ними целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков, остановившихся понятий, завистливого местничества и остановившейся цивилизации (это Герцен, разумеется, о Европе).

[...] Мы говорили, что у России в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик — Северные Штаты. [...] Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбие, и притом немецкое, заставляет Россию мешаться во все западные дела. В предстоящей борьбе, к которой невольно влечется Европа, России вовсе не нужно принимать деятельного участия. Нам тут нет наследства, и мы равно не связаны ни воспоминаниями, ни надеждами с судьбами этого мира. Если Россия освободится от петербургской традиции, у ней есть один союзник — Северно-Американские Штаты».

Аляска в тот момент, когда Герцен писал эти строки, была еще российской. Потом границы поменялись, но сути вещей, миропорядка они не трогают. Чем северней, тем короче путь между Западом и Востоком. Как раз к переговорам на Аляске журнал Science [опубликовал](#) новые свидетельства родства сибиряков и американцев — промежуточные итоги

масштабного исследования международного научного консорциума GenomeAsia 100k, [изучающего](#) генетическую связь коренных сибиряков и американцев. В работе участвуют исследователи из Красноярского края.

Народы переходили из Сибири в Америку через Берингов пролив/перешеек туда и обратно несколько раз. И все — родня.

Ну мы, в общем, догадывались. Родня — все. И те, кто покинул Египет, перейдя Красное море, и те, кто остался. И те, кто молился, и те, кто остался пахать на кусок хлеба детям. И белые, и красные. Даже Гитлер с Геббельсом — и те не с Луны прилетели. Так что любая война — братоубийственна.

Владимир Путин, если полетит на Аляску, скорее всего (будет зависеть от маршрута и времени взлета), прибудет в предыдущий день — линия перемены дат проходит как раз по Берингову проливу, между Аляской и Сибирью (конкретно — Чукоткой). Как бы намек, что в прошлом можно что-то поправить. Что время можно задержать. Что можно стать бессмертным, оставаясь в одном дне или даже раз от раза перелетая во вчера. Это все, разумеется, детские иллюзии.

Но Путин полетит и обратно. Никакого света в конце тоннеля не бывает, потому что нет ни света, ни конца. Однако будущее, несомненно, наступит, и мы выйдем, наконец, из затянувшегося 24 февраля.

Помощник президента Юрий Ушаков, [комментируя](#) подготовку к саммиту, подчеркнул: «На Аляске и в Арктике пересекаются и экономические интересы наших стран, просматриваются перспективы реализации масштабных и взаимовыгодных

проектов».

Понятно, что самой Сибири и сибирякам от всех этих совместных проектов по разработке месторождений редкоземельных металлов, строительства новых ГЭС на Ангаре и прочего, что спрятано в портфелях переговорщиков, ничего особо хорошего не светит. В золотую лихорадку богатеют только продавцы лопат. Но это все же проекты какой-никакой жизни. А не смерти в далеких, за тысячи верст окопах. По свидетельствам знакомых солдат, находящихся сейчас в этих окопах (с кем есть связь), многие надеются на Трампа. И только на него.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Эту мысль стоит сообразить»](#)

Проданная земля: как Россия осталась без
Аляски

11:07, 13 августа 2025, Павел Гутионтов